

Религиоведение. 2020. № 1
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 1

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.1.73-82

Ерохин Б.Р.

*Институт востоковедения РАН
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12
ou.omnilux@gmail.com*

Религии / Religions of
Востока
the East

История переводов с тибетского на русский (1720–1991): прерванные взлёты

Аннотация. В статье излагается история развития российской тибетологии от её возникновения и до начала 1990-х годов в контексте общей теории перевода мировой и российской буддологии. Во вступительной части периодизация европейской переводческой традиции соотносится с российской в философско-историческом и теоретическом контекстах. Основная часть посвящена краткому обзору главных фигур и результатам их исследований на (1) раннем этапе сбора материала, (2) этапе создания первых исследовательских центров в Санкт-Петербурге и Казани, (3) в период расцвета «петербургской школы», ставшей на рубеже XIX–XX веков ведущим центром мировой буддологии и, наконец, (4) в десятилетия жестокого уничтожения и гонений в этой области науки, связанных с доминированием советской идеологии. Дальнейшее возрождение и развитие тибетоведения в начальный постсоветский период оказалось связанным с деятельностью энтузиастов-практиков *ваджраяны* и следовало в фарватере общемировой тенденции сращивания скрупулёзного академического подхода с тесным сотрудничеством с носителями живой традиции буддийского знания. Данная тенденция является ведущей также в наши дни.

Ключевые слова: история и источниковедение буддизма, рецепция в тибетологии, методы перевода, российское востоковедение

Boris R. Erokhin

*Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science
12 Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031
ou.omnilux@gmail.com*

The History of Translations from Tibetan into Russian (1720–1991): The Abandoned Take-off

Abstract. The article describes the history of the development of Russian Tibetology from its inception up to the beginning of the 1990s in the context of the general theory of translation and Russian Buddhist Studies. In the introductory part, the periodization of the European translation tradition is related to the Russian one in philosophical, historical and theoretical contexts. The main part briefly reviews the main figures and results of their research during (1) the early stage of collecting and translating material which can be traced well back to 18th century, (2) the creation of the first research centers in St. Petersburg and Kazan, (3) the heyday of the St. Petersburg school, which became the leading center of Buddhist Studies at the turn of the 19th–20th centuries and, finally, (4) decades of brutal annihilation and persecution in this field of science, associated with the dominance of Soviet ideology. The further revival and development of Tibetan studies in the initial post-Soviet period is related to the activity of enthusiastic practitioners of the Vajrayana and followed in the wake of the global trend of fusing a rigorous academic approach enlightened by native bearers of a living tradition of Buddhist knowledge. This trend also dominates contemporary research practice.

Key words: history and source study of Buddhism, reception in Tibetology, translation methods, Russian oriental studies

Одним из аспектов создания качественного перевода с тибетского языка на русский является близкое знакомство с переводческой традицией, сложившейся в соответствующем разделе российского востоковедения. С этой задачей столкнулся автор данной статьи, осуществляя перевод классического произведения тибетской экзегетической литературы «Драгоценное украшение Освобождения» Гампопы Сёнама Ринчена (sGam po ra bsod nams rin chen, 1079–1153). Для её решения было проведено историографическое исследование накопленного поколениями тибетологов опыта, включившее в себя осмысление принципов и методов переводов с тибетского [Ерохин, 2020], где также была затронута проблема периодизации процесса перевода тибетской литературы¹.

Воробьева-Десятковская и Савицкий делят развитие российской тибетологии на пять периодов, обусловленных «наличием достаточно подготовленных специалистов, общим ходом развития востоковедения в России и научными интересами самих тибетологов» [Воробьева, 1972, 148]:

- 1) первое знакомство (до 1829 г.);
- 2) начало интенсивного комплексного изучения Центральной Азии (1829–1880-е гг.);
- 3) период расцвета 1880–1917;
- 4) период упадка и уничтожения 1917–1941;
- 5) после окончания Великой Отечественной войны.

Эту периодизацию следует сопоставить с общепринятым современным пониманием истории переводов с тибетского на западные языки, поскольку русская ветвь оставалась неотъемлемой частью мирового процесса до периода репрессий 1930-х гг. Важным событием стал международный семинар по буддийским переводам, состоявшийся в 1990 году в Дели. Организатор семинара Добум Тулку обобщил периоды доминирования христианского, марксистского, неокантианского, фрейдистского и других подходов как «наложение западной концептуальной схемы на буддийский материал» [Doboom, 2001, 4–5]. Методом, характеризующим следующий период более глубокого проникновения в суть источников, он признал подход, когда «...переводчики работают в тесном сотрудничестве с авторитетными тибетскими учёными, <...> чтобы позволить буддийскому тексту заговорить <...> подлинно буддийским голосом» [Doboom, 2001, 5]. Со многими уточняющими деталями его поддержали другие участники семинара, ведущие англоязычные переводчики того времени, и с тех пор такой подход является доминирующим, поскольку он отвечает главной цели и академических исследователей, и практиков – переносу учения буддизма на новую почву с той же достоверностью и убедительностью, как это осуществлялось при рецепции буддизма во многих странах Азии.

Следуя этой периодизации, мы можем приступить к описанию начального и классического периода русской тибетологии.

Начало тибетских исследований в России трудно отделить от немецких, так как само основание Российской академии наук в большой степени зависело от деятельности именно немецких учёных, приглашённых познакомиться входящую в европейскую культуру державу с западными знаниями. Большинство работ издавалось на немецком языке; некоторые публикации имели большой резонанс в европейских университетах как открывающие новую сферу далёкой культуры.

Россия издавна имела прямые контакты с монгольскими народами, которые были последователями тибетского буддизма с XIII в. [Китинов, 2004, 65], поэтому нет ничего удивительного в том, что в своей автобиографии, датированной ещё 1696 годом, переводчик Посольского приказа П.И. Кульвинский называет себя переводчиком с письменных калмыцких, мунгальских и *тангутских* (как тогда называли тибетские) языков [Белокуров, 1906, 147]. Вероятнее всего, знакомство Кульвинского с тибетским языком ограничивалось знанием письменности.

Первые страницы тибетских рукописей поступили в РАН в 1720-х годах из монастыря Аблен-Хит на реке Иртыш в Западной Сибири. Секретарь русского императора Петра I И.Д. Шумахер (1690–1761) тогда пытался перевести страницу с помощью французских и немецких учёных, но единственным правильным результатом, которого они достигли, была идентификация рукописей как тибетских. Однако

интерес к этой «татарской» странице в Европе привлёк общее внимание к Тибету. Лишь в 1735 году академик Г.Ф. Миллер (1705–1783) во время своего путешествия по Бурятии встретился с выдающимся ламой Агваном Пунцогом, который перевёл начало тибетского текста на монгольский, а затем переводчик из Министерства иностранных дел перевёл его на русский язык. Данное событие считается первым документально подтверждённым переводом с тибетского на русский язык [Востриков, 1935, 62–65].

Следующий шаг сделал И. Ериг (I. Jaehrig, ум. в 1795 г.), основной сферой интересов которого были переводы с монгольского, но который также достаточно знал тибетский, чтобы сделать несколько неопубликованных переводов (например, изложение первого завещания Сонгцен Гампо *ma Ni bka 'thang* [Востриков, 1935, 42]) и написать короткую тибетскую грамматику. И. Ериг служил переводчиком известного исследователя П.С. Палласа (1741–1811); он провёл значительное количество лет в Кяхте на границе с Монголией. Они оба собрали большую коллекцию тибетских рукописей, которые легли в основу огромных фондов РАН.

Прорыв тибетских исследований в России связан с именем И.Я. Шмидта (1779–1847). Немецкий купец, он провёл 3 года среди калмыков на северных кавказских равнинах, где приобрёл знания в области устного и письменного тибетского языка, а затем был принят в РАН в 1829 году. Шмидт считается основоположником русской тибетологии и монголоведения. Ему принадлежит общее описание взглядов буддийской *махаяны* и переводы, опубликованные на немецком языке и основанные на объяснениях учёных калмыцких лам. Он также много занимался анализом и каталогизацией новых поступлений тибетских книг.

Шмидт опубликовал в 1839 году первую тибетскую грамматику и словарь на русском и немецком языках. По современным критериям, это скорее учебное пособие, но даже до конца XX века эта грамматика оставалась основным учебником в Санкт-Петербургском университете. Основываясь как на собственном опыте, так и на новаторском учебнике Чомы де Кёрёша (опубликованном в 1834), Шмидт представил значительный лексический материал наряду с необобщёнными грамматическими правилами. Что же касается словаря, то его подход к порядку слов, сортируемых по коренной букве (тиб. *ming gzhi*), в отличие от подхода де Кёрёша (по первой букве слога), оказался верным и был повсеместно адаптирован как стандарт [Востриков, 1935, 67–68; Ермакова, 1998, 12].

Преемник Шмидта в РАН А.А. Шифнер (1817–1879) в своих грамматических работах демонстрирует сухой лингвистический подход; основными проблемами в его исследованиях были детали фонетики и морфологии тибетского языка. Опубликованное им на немецком языке жизнеописание Будды и перевод некоторых сутр не оказали значительного влияния на развитие российской тибетологии [Воробьева, 1972, 153–154; Ермакова, 1998, 285].

Хотя в работах И.Я. Шмидта христианские взгляды не выражены ярко, этот «пробел» с лихвой заполняют крупнейший монголовед из Казанского университета О.М. Ковалевский (1807–1878) и другие современные ему компиляторы и исследователи. Профессор Ковалевский использовал свои скромные знания тибетского языка в основном для ссылок в своих новаторских монгольских исследованиях. Другими важными фигурами клерикальной среды, способствовавшими развитию тибетско-буддийских исследований в XIX веке, были архиепископ Нил (1799–1874), священник И. Попов, проф. А.И. Введенский и другие христианские мыслители [Ермакова, 1998, 15–28].

Носители тибето-буддийского знания всегда были под рукой у российских исследователей как субъекты Российской империи, по-тибетски говорившие на особом диалекте, основой которого были восточные варианты тибетского, преимущественно амдосский. Это определило черты устной интерпретации тибетского произношения, адаптированной в академических кругах.

Интерес следующего поколения исследователей был сосредоточен в основном на полевых исследованиях, отвечавших задаче ассимиляции «идолопоклонников» – бурятского и калмыцкого народов – и их обращению в православное христианство. Основные результаты тибетских исследований достигались почти исключительно

посредством изучения монгольских или китайских источников, как свидетельствует плодотворная деятельность отца Иакинфа Бичурина (1777–1853). Тибетский язык в российской буддологии оставался лишь вспомогательным источником после монгольского, позднее санскрита. Внешние черты общественных отношений, обычаев и церемоний были гораздо важнее для исследователя, чем значение философских понятий *мадхьямаки* и *ваджраяны*.

В.П. Васильев (1818–1900) был студентом Ковалевского в Казанском университете по специальности «китайский и тибетский языки» (его преподавателем тибетского и монгольского был бурятский лама Галсан Никитуев [Пубаев, 1981, 24]). А. Востриков называет Васильева «гением» [Востриков, 1935, 68] благодаря огромному наследию неопубликованных работ, которые могли бы стать украшением буддологии ещё в конце XIX в. Прожив в Российском посольстве в Пекине в течение 10 лет, Васильев, используя четыре основных языка для своих штудий (санскрит, китайский, тибетский и монгольский), сумел перевести почти всю китайскую Трипитаку и составил черновик для примерно десятилетнего собрания, включавшего в себя подробный обзор учения, истории и литературного наследия буддизма. Было опубликовано только два тома этой работы, но и они оказали формирующее влияние на становление западной буддологии. Однако во второй половине XIX века в России (в то время это не было ни публичного, ни большого научного интереса к этой теме), все другие открытия упускались из виду и исчезали понапрасну [История, 1990, 305–317].

Знаковой работой для всей западной буддологии в середине XIX века мог бы также стать неопубликованный перевод коллеги Васильева по миссии в Китае, рано умершего В.В. Горского (1819–1847), посвящённый изложению буддийских философских школ мысли, однако научное наследие автора исчезло [История, 1990, 287–288].

Работы Васильева вместе с тем демонстрируют общие для того времени недостатки. Филологический подход существенно сужал глубину смыслового анализа текстов, вырванных из контекста буддийской мысли и, следовательно, вёл к неверному истолковыванию значения терминов. Идея превосходства западной цивилизации и ценностей над восточными, безусловно, также ограничивала понимание смысла учений Будды. Но всё же Санкт-Петербургский университет в середине XIX в. стал флагом востокведческих исследований [Ермакова, 1998, 152–155].

Выдающиеся ученики Васильева в большей степени сосредотачивались на индологических исследованиях в ущерб тибетскому направлению, что было обусловлено пренебрежительным отношением правительства к далёкому Тибету, в то время находящемуся на периферии колониально-имперских интересов.

И.П. Минаев (1840–1890) много путешествовал по индийскому субконтиненту и интересовался развитием древних школ и сект буддизма, а также Винаей; его работы в основном связаны с индологическими исследованиями.

Ученик последнего С.Ф. Ольденбург (1863–1934) также больше интересовался индологическими исследованиями в социальных и других формах, которые буддизм принимал на протяжении веков. Тибетские исследования Ольденбурга в первую очередь касались искусства, ставшего для него важным источником в индийских исследованиях. Он также занимался административной работой, популяризировал восточную культуру, организовывал экспедиции в Восточный Туркестан, Дуньхуан и сам Тибет. Датированные I веком до н.э. рукописи *махаянских* сутр, обнаруженные во время туркестанской экспедиции, обозначили важную дату начала распространения учений Великой колесницы. Благодаря его усилиям была создана знаменитая серия *Bibliotheca Buddhica*, а публикации ведущих учёных сделали её сокровищницей современной науки. Наряду с Ф.И. Щербатским деятельность этого автора можно рассматривать как начало и кульминацию нового, нехристианского подхода в мировой буддологии.

Деятельность другого ученика Минаева, Ф.И. Щербатского (1866–1942), стала новым этапом в развитии мировой буддологии. Его основной вклад заключался в преодолении чисто филологического подхода в переводе текстов и обращение к герменевтическим проблемам, например, отслеживание преемственности значения

терминов в цепочке переводов с пали или санскрита на тибетский, китайский и другие языки. Таким образом стало ясно, что истолкование перевода терминов следует базировать на их изначальном индийском смысле, в то время как древние санскритские и палийские тексты следует понимать через живую традицию современных носителей буддийской традиции. Щербатской установил высочайшие стандарты для исследователя, который в идеале должен (как многие его ученики) обладать глубокими знаниями основных буддийских языков – санскрита, пали, тибетского, китайского, японского, – чтобы иметь возможность правильно отследить суть, толкование и изменение понятий в трактатах и школах буддизма. Этот подход можно назвать энциклопедическим.

Другими важными результатами работы Щербатского были классификация буддийской литературы и фундаментальный анализ теории восприятия и логики (санскр. *pramāṇa*, тиб. *tshad ma*). К сожалению, монографии Щербатского публиковались в основном на английском языке, что, с одной стороны, способствовало его международной известности, а с другой – обедняло русскоязычное интеллектуальное пространство. Благодаря Щербатскому также произошло возрождение тибетологических исследований, поскольку многие талантливые исследователи следующего поколения были его учениками.

Яркой чертой творчества Щербатского было использование понятий современной ему философии для понимания буддийских идей, своеобразное компаративистское просветительство, что имело как свои преимущества способствования адаптации буддийских идей, так и недостатки нежелательных коннотаций.

Редактор перевода знаменитой монографии «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов» на русский язык А.В. Парибок отмечает две особенности в переводческом стиле Щербатского: русский текст может быть в десять раз больше по сравнению с оригиналом (частично из-за слабой терминологической базы в русском языке, а частично пропедевтически, поскольку это позволяет замедлить восприятие читателя и тем самым приближает его к пониманию смысла текста), а также чрезмерное разнообразие вариантов перевода одного термина [Щербатской, 1995, I, III; Щербатской, 1988, 42–51].

В конце своей жизни Щербатской стал свидетелем репрессивного разгрома дела всей своей жизни и уничтожения учеников.

Подход «структурированного наблюдения, вовлечённого и отключённого» был разработан рядом известных полевых исследователей Центральной Азии – Монголии, Восточного Туркестана, Амдо, Кхама и Тибета. Экспедиции Г.Н. Потанина (1835–1920), Г.Е. Грум-Гржимайло (1860–1936), А.М. Позднеева (1851–1920), Н.М. Пржевальского (1839–1888), М.В. Певцова (1843–1902), В.И. Роборовского (1856–1910), П.К. Козлова (1863–1935) составили славу российских географов, а самостоятельные путешественники по Центральному Тибету О.М. Норзунов (р. 1874) и Г.Т. Цыбиков (1873–1930), по области Амдо – Б.Б. Барадийн (1878–1937/9) во многом осветили тайны загадочного Тибета для широкой публики. Первые места в исследованиях группы первооткрывателей занимали географические и геологические наблюдения, флора и фауна; меньшее внимание уделялось этнографии и повседневной жизни «иногородцев» в их экономическом, социальном и культурном аспектах. Религиозные и философские вопросы в экспедициях оставались на последнем плане [Исследователи, 1998].

Г.Т. Цыбикова следует рассматривать как особую фигуру в русской тибетологии, поскольку его путевые заметки впервые дали яркое описание многих аспектов жизни центрального Тибета [Цыбиков, 1991]. Будучи бурятом, он стал одним из первых европейских учёных, достигших Лхасы (1901 г.), сделав это в облике паломника. Его доклад был высоко оценён в академических кругах и представлял собой смесь заметок первооткрывателя с подробным описанием всех деталей монашеской жизни. Во второй половине своей жизни, преподавая во Владивостоке, Цыбиков опубликовал точный перевод части самого важного в традиции Гелуг трактата, «Большого ламрима» Цонгкхапы, написанный правильным и богатым русским языком [Цзон ха-па, 1913]. Это было обусловлено тем, что Цыбиков, в отличие от других исследователей, был буддистом и хорошо знал экзегетическую литературу.

Б.Б. Барадийн провёл 7 месяцев в монастыре Лавран в Амдо, но мало что сделал для тибетских переводов, сосредоточившись на тибетском искусстве.

П.А. Бадмаев (до 1840–1920 г.), известный потомственный врач по системе тибетской медицины монгольского происхождения, был официально принят в академическом сообществе как эффективный клиницист. Он выполнил перевод на русский язык трактата по основам медицины «Гюд чжи», который был опубликован в 1898 году и стал одним из первых образцовых переводов важного тибетского текста на европейский язык [Бадмаев, 1991].

Бадмаев вместе с крупным религиозным и политическим деятелем Агваном Доржиевым (1853–1938) вследствие близости к царскому двору оказал большое влияние на российское и даже французское общество, а также внешнюю политику Российской империи. Буддизм стал модой; знаменитый поэт К. Бальмонт перевёл с санскрита поэму Ашвагхоши о жизни Будды; всё это способствовало последовавшему расцвету академической активности в сфере изучения буддизма в России. Среди российских востоковедов первой трети XX века, оказавших формирующее влияние на тибетские исследования, следует отметить следующих крупных учёных.

О.О. Розенберг (1888–1919) обладал очень глубокими знаниями в области буддизма, специализируясь на японской и китайской ветвях; тибетские источники в его работах были использованы в качестве справочной информации.

Е.Е. Обермиллер (1901–1935) прекрасно знал как тибетский язык, так и санскрит, что сделало его переводы «Истории буддизма» Будона, «Украшения прямого постижения» и «Непревзойдённой тантры» Майтрейи-Асанги с комментариями образцами буддологических исследований своего времени. Опубликованные на английском, они вошли в золотой фонд мировой буддологии.

М.И. Тубянский (1893–1943) был опытным учёным, чьи работы стояли бы в одном ряду с публикациями его коллег, если бы они не исчезли в застенках российской и монгольской госбезопасности. Среди этих работ следует выделить анализ философских, логических и исторических трактатов, тибетско-монгольский словарь (около 10 000 записей), справочник терминов тибетской медицины, обзор деятельности Васильева, ещё один монументальный перевод «Большого ламрима» Цонгкхапы [Воробьева, 1972, 162–164].

А.И. Востриков (1904–1937) прекрасно знал «базовый» для научной школы Щербатского санскрит, а также тибетский и монгольский языки. Его наследие большей частью также исчезло после его ареста и расстрела. Оно включало в себя объёмные работы по логике Дигнаги, Васубандху, Дхармакирти, по тибетской литературе в целом (его фундаментальное и новаторское исследование «Тибетская историческая литература» до сих пор служит важным реферативным источником), учебник тибетского языка, хронологические таблицы и исследования философских школ. [Воробьева, 1972, 165–171].

Дальнейшие десятилетия деградации хорошо определены М. Кожевниковой. Она пишет: «В 30-е годы буддологическая группа Фёдора Ипполитовича Щербатского практически была разгромлена, а русское востоковедение было тем самым отброшено на исходные позиции в изучении буддийской мысли и религиозной практики. В течение всего советского периода буддология сохранялась в каком-то смысле «под спудом», будучи принуждена заниматься всяческими аспектами буддизма – социологическими, историческими, этнографическими, формальными, но только не собственными содержательными вопросами. Востоковеды не имели возможности получить образование, хоть как-то сопоставимое с буддологическим образованием времён Щербатского или с западным современным буддологическим образованием, ставшим возможным в США и странах Европы с 60-х годов, после появления там тибетских учёных. Кроме того, советским буддологам пресекался доступ к живой традиции, и восполнялся этот пробел ценой личных усилий и мужества немногочисленных энтузиастов из буддологических кругов, вступавших в контакты с бурятскими ламами» [Кожевникова, 1998, 93].

К 1938 году деятельность Индо-тибетского кабинета Восточного института РАН практически прекратилась, так как большинство его членов были репрессированы. В то время основными коллективными проектами были фундаментальные

тибетско-русские классические, разговорные и толковые словари, описания рукописных произведений и многое другое; все эти проекты были остановлены, что означало перерыв в серьёзных буддийских исследованиях на десятилетия. Вместо тибето-санскритского направления, признанного на государственном уровне бессмысленным, деятельность исследователей была направлена на историю и литературу Китая, но только в рамках идеологически безопасных (в условиях перепадов политических отношений с коммунистическим Китаем) тем.

Тонкая нить петербургской традиции сохранилась благодаря тибетологам К.М. Черемисову (1899–1982), жившему во время Второй мировой войны в Улан-Удэ, и его ученику В.С. Воробьеву-Десятовскому (1928–1956). Исторические работы Черемисова не публиковались, а Воробьев-Десятовский начал проводить занятия по тибетскому языку в Ленинградском университете в 1953 году. В 1955 году на китайском факультете университета появилось тибетское отделение. В столичном Институте востоковедения с его основной задачей изучением арабского, китайского и южно-азиатских языков, тибетские исследования до 1957 года практически не проводились. В ленинградском филиале Института жизнь едва теплилась, а горстка сотрудников не могла даже подступиться к огромной коллекции тибетских манускриптов.

Б.В. Семичов (1900–1981), один из студентов Щербатского, также был репрессирован. Чтобы выжить, ему пришлось пойти на сотрудничество с властями, а запрет на проживание в крупных городах привёл к переезду в Бурятию, где он стал крупным учёным, специализировавшимся на тибетской медицине и фармакологии. После приезда Ю.Н. Рериха в Москву Семичов получил существенную поддержку и продуктивно работал ещё двадцать лет.

Возвращение Ю.Н. Рериха (1902–1960) на родину в 1957 году, когда он уже был учёным с мировым именем, можно считать поворотным моментом в возрождении российской тибетологии. Рерих получил образование филолога и историка в Англии, много путешествовал по Тибету и написал несколько выдающихся исторических работ, частично в тесном сотрудничестве с блистательным и странным, по гелугпинским меркам, Гендюном Чёпхелем (на русском известен как Гендун Чопел, 1903–1951) которые остаются в золотом фонде тибетологии [Гой-лоцава, 2001]. Его краткая, вследствие ранней смерти, педагогическая и научная деятельность стала в России важным фактором дальнейшего развития, поскольку под его влиянием возникло новое поколение тибетологов. Позднее была опубликована монография «Тибетский язык» [Рерих, 1961], а фундаментальный «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» в 11 томах, опубликованный только в 1980-х годах, стал настольной книгой множества переводчиков [Рерих, 1983–1991].

Тибетские исследования оставались на периферии академических штудий, а большинство публикаций о Тибете и буддизме были написаны по китайским источникам, например, [Мартынов, 1978], или в большой степени полагались на западные источники [Дылыкова, 1986]. Исследования ключевых трактатов не допускались, и учёным приходилось обращаться к светским темам, таким, как дидактические притчи, сказки, биографии. В частности, это относится к переводам Ю.М. Парфионовича (1921–1990), который, помимо составления тибетско-русского словаря современной лексики [Парфионович, 1970], издал три сборника сказок и притч.

Б.И. Кузнецов (1931–1985) первоначально специализировался в китайской литературе и истории, а после годичной стажировки под руководством *кхенпо* Иволгинского монастыря преподавал тибетский в Ленинградском университете, в своих исследованиях сосредотачиваясь на тибетской истории [Кузнецов, 1961, 2003]. Он также сделал черновой перевод трёх частей «Большого ламрима» Цонгкхапы.

Е.И. Кычанов (1932–2013) также принадлежит Санкт-Петербургской школе; как историк, с его 300 публикациями он стал первооткрывателем истории тангутских племён и государства Си-Ся (X–XIII в.), по сути, являвшихся частью тибетской цивилизации.

Л.С. Савицкий (1932–2007) известен своим переводом песен Далай-Ламы VI и работой над огромным архивом ИВР РАН в Санкт-Петербурге. Среди других видных учёных конца описываемого периода и позднее следует упомянуть

А.И. Андреева, А.А. Базарова, В.А. Богословского, М.Г. Брянского, Е.Д. Огневу, Е.П. Островскую, А.Г. Сазыкина.

Отдельной темой исследования представляется деятельность Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук, где многие учёные работали в основном в историческом, фольклорном и медицинском направлениях. Наиболее плодотворными авторами и переводчиками, работавшими там и в Новосибирском отделении РАН в описываемый период, являлись Т.А. Асеева, Б.Д. Бадараев, Э.Г. Базарон, Н.Д. Болсохоева, И.Р. Гарри, К.М. Герасимова, Г. Гоможапов, Б.Б. Дампилон, Д.Б. Дашиев, А.М. Донец, Р.Н. Дугаров, Ю.Ж. Жабон, А.А. Кособуров, Р.Е. Пубаев, С.-Х.Д. Сыртыпова, Д. Шагдаров, Л. Ямпиров [Пубаев, 1981, 9].

Исключительным явлением в буддийской среде во времена Советского Союза был Б.Д. Дандарон (1914–1974). Будучи практически единственной фигурой, соединившей в себе академическую образованность и живую энергию перерождения харизматичного учителя (настоятеля амдосского монастыря Кумбум, ещё в детстве провозглашённый Дхармараджей), он был центром притяжения не только лучших представителей бурятского общества, но и учителем горстки европейцев из СССР и других стран. Благодаря написанному им письму к Сталину в Бурятии были восстановлены некоторые монастыри. Ученики Дандарона стали первопроходцами буддийского ренессанса последней четверти XX века. Они занимались серьёзными практиками *ваджраяны*, многие стали тантрическими учителями и осуществляли просветительскую деятельность в годы заката и разрушения советской империи. Ближайшими, известными учениками Дандарона были А.И. Железнов, Ю.К. Лавров, В.М. Монтлевич, В.П. Репко, Ф. Маликова, а также известные востоковеды О.Ф. Волкова, А.М. Пятигорский, Л.Э. Мялль, Ю.М. Парфионович, Б.И. Кузнецов, В.И. Рудой, А.М. Донец, В.Н. Пупышев. Эти деятели *необуддизма* стали не только звеном передачи дореволюционной традиции, но и оказали формирующее воздействие на возрождение и последующее развитие буддизма в России, которое во время перестройки пришло не из академических кругов и властных структур, но было обеспечено живым интересом широких слоёв к учениям, способствующим открытости и благополучию общества и продвижению по пути освобождения.

Известный санскритолог С.Ф. Ольденбург обобщает развитие российской буддологии как многообещающие начинания, развиваемые талантливыми умами благодаря кропотливой и настойчивой работе, но которые непоправимо часто обрывались на пике плодотворной деятельности. Горы неопубликованных рукописей представляют собой огромное кладбище неосуществлённых начинаний и несбывшихся мечтаний [Ермакова, 1998, 287]. Эта тенденция оказалась ещё более верна в отношении российского востоковедения в советские времена. Трагические судьбы полностью не реализовавших свой потенциал И. Бичурина, В.П. Васильева, В.В. Горского, погибших в жерновах тоталитарной системы А.И. Вострикова, М.И. Тубянского, Б.Д. Дандарона и многих других указывают на традиционно-азиатское пренебрежение российских властей к творческому духу лучших представителей нации. Сакрализованное отношение к государству, жертвами которого стали миллионы граждан России, в современном глобализированном мире несовместимо ни с экономическими, ни с гуманитарными интересами общества, осуществляемыми в соответствии с принципами открытости и взаимодействия на самых разных социальных уровнях.

Современные цифровые технологии, развитие интернета и искусственного интеллекта открывают невиданные ранее возможности сопоставления и работы с источниками, среди прочих – с богатейшим буддийским наследием. Его актуальность на внешнем уровне удивительно совпадает с бурно развивающимися последнее время теориями сетевого взаимодействия, находящими множество параллелей в учении о взаимозависимом происхождении всех явлений [Alekseev-Apraksin, Erokhin, 2019]. В этой перспективе анализ предшествующего этапа достижений российской и зарубежной тибетологии за последние тридцать лет [Ерохин, 2020], подтверждающий основные теоретические направления развития, представляется весьма важным.

Библиографический список

1. Бадмаев, П.А. Основы врачебной науки Тибета. Жуд-Ши / П.А. Бадмаев. – М.: Наука, 1991. – 159 с.
2. Белокуров, С.А. О Посольском приказе / С.А. Белокуров. – М., 1906. – 170 с.
3. Воробьева-Десятовская, М.И. Тибетоведение / М.И. Воробьева-Десятовская, Л.С. Савицкий // Азиатский Музей. Ленинградское Отделение Института Востоковедения АН СССР. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. – С. 149–176.
4. Востриков, А.И. С.Ф. Ольденбург и изучение Тибета / А.И. Востриков // Записки Института Востоковедения Академии Наук. – 1935. – № IV. – С. 59–81.
5. Востриков, А.И. Тибетская историческая литература / А.И. Востриков. – М.: Издательство восточной литературы, 1962. – 428 с.
6. Гой-лоцава Шоннупэл. Синяя летопись / Гой-лоцава Шоннупэл; пер. с тибетского Ю.Н. Рериха (1949), пер. с английского О.В. Альбеделя и Е.Ю. Харьковской. – СПб.: Евразия, 2001. – 767 с.
7. Дылыкова, В.С. Тибетская литература / В.С. Дылыкова. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
8. Ермакова, Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века. (Россия и сопредельные страны) / Т.В. Ермакова. – СПб.: Наука, 1998. – 344 с.
9. Ерохин, Б.Р. Переводы с тибетского: принципы, цели, методы, история и современность. / Б.Р. Ерохин // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2020 (в печати).
10. Исследователи Центральной Азии в судьбах России. Альманах ORIENT. – СПб.: Утпала, 1998. – Вып. 2–3. – 288 с.
11. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990. – 436 с.
12. Китинов, Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.) / Б.У. Китинов. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2004. – 191 с.
13. Кожевникова, М. Путь к Знанию пути (по материалам архива Ф.И. Щербатского) / М. Кожевникова // Буддизм России. – 1998. – № 29–30. – С. 93–109.
14. Кузнецов, Б.И. Тибетская летопись «Светлое зеркало царских родословных» / Б.И. Кузнецов. – Л.: Издательство ЛГУ, 1961. – 122 с.
15. Кузнецов, Б.И. Тибетика: Сборник статей / Б.И. Кузнецов. – СПб.: Евразия, 2003. – 336 с.
16. Мартынов, А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений / А.С. Мартынов. – М.: Наука, 1978. – 287 с.
17. Парфионович, Ю.М. Тибетский письменный язык / Ю.М. Парфионович. – М., 1970. – 182 с.
18. Пубаев, Р.Е. «Пагсам-Чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII века / Р.Е. Пубаев. – Новосибирск: Наука, 1981. – 306 с.
19. Рерих, Ю.Н. Тибетский язык / Ю.Н. Рерих. – М., 1961. – 136 с.
20. Рерих, Ю.Н. Тибетско-Русско-Английский словарь с санскритскими параллелями / Ю.Н. Рерих. – М.: Наука, 1983–1991.
21. Цзон ха-па. Лам-рим чэн-по. (Ступени пути к блаженству) / Цзон ха-па / Пер. с тиб. Г.Ц. Цыбикова / Цзон ха-па. – Владивосток, 1910–13. – Т. 1 (в 2 вып.). – 294 с.
22. Цыбиков, Г.Ц. Избранные труды / Г.Ц. Цыбиков. – Новосибирск: Наука. 1991. – Т. 1–2. – 256 + 240 с.
23. Шмидт, И.Я. Учебник тибетского языка / И.Я. Шмидт. – СПб., 1839. – 230 с.
24. Щербатской, Ф.И. Избранные труды по буддизму / Ф.И. Щербатской. – М.: Наука, 1988. – 426 с.
25. Щербатской, Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов / Ф.И. Щербатской / Редакция и примечания А.В. Парибка. – СПб.: Аста-Пресс, 1995. – Ч. 1–2. – 395 + 282 с.

Текст поступил в редакцию 27.08.2019.

---

¹ Доклад «Переводы с тибетского: принципы, цели, методы, история и современность», часть которого составил материал данной статьи, был сделан автором на VII Всероссийской научной конференции «История востоковедения: Традиции и современность» в Институте востоковедения РАН, Москва, 5 декабря 2019 г.

References

1. *Doboom Tulku. Buddhist Translations: Problems and Perspectives*. Ed. by Doboom Tulku. Delhi: Manohar, 2001, pp. 1–13 (in English).
2. Badmayev P. *Osnovy vrachebnoy nauki Tibeta. Jud-Shi* [Fundamentals of Medical Science of Tibet]. Moscow: Nauka, 1991 (in Russian).
3. Belokurov S.A. *O Posol'skom prikaze* [On the Ambassadorial Office]. Moscow, 1906 (in Russian).
4. Vorobyeva-Desyatovskaya M.I., Savitskiy L.S. *Aziatskiy Muzei. Leningradskoye Otdeleniye Instituta Vostokovedeniya AN SSSR* [Asian Museum. Leningrad Branch of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1972, pp. 149–176 (in Russian).
5. Vostrikov A.I. *Zapiski Instituta Vostokovedeniya Akademii Nauk IV* [Notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences IV]. Leningrad: Nauka, 1935, pp. 59–81 (in Russian).
6. Vostrikov A.I. *Tibetskaya istoricheskaya literatura* [Tibetan Historical Literature]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962 (in Russian).
7. Goy-lotsava Shonnupel. *Sinyaya letopis'* [Blue Annals]. Saint Petersburg: Eurasiya, 2001 (in Russian).
8. Dylykova V.S. *Tibetskaya literatura* [Tibetan Literature]. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian).
9. Ermakova T.V. *Buddiyskiy mir glazami rossiyskikh issledovateley XIX – pervoy treti XX veka. (Rossiya i sopredel'nyye strany)* [Buddhist World through the Eyes of Russian Researchers of the 19th – First Third of the 20th Century]. St. Petersburg: Nauka, 1998 (in Russian).
10. Erokhin B.R. *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'* [The East, African-Asian Societies: History and Modern Time]. 2020 (forthcoming) (in Russian).
11. *Issledovateli Tsentral'noy Azii v sud'bakh Rossii. Al'manakh ORIENT* [Researchers of Central Asia in the Russian Fates. Almanac ORIENT]. Saint Petersburg: Utpala, 1998, vols. 2–3 (in Russian).
12. *Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do sereдины XIX veka* [The History of Russian Oriental Studies until the Middle of the 20th Century]. Moscow: Nauka, 1990 (in Russian).
13. Kitinov B.U. *Syashchennyi Tibet i voinstvennaya step': buddizm u oyratov (XIII–XVII vv.)* [The Holy Tibet and the Warlike Steppe: Buddhism among the Oyrats (XIII–XVII Centuries)]. Moscow: KMK, 2004 (in Russian).
14. Kozhevnikova M. *Buddizm Rossii* [Buddhism of Russia]. 1998, no. 29–30, pp. 93–109 (in Russian).
15. Kuznetsov B.I. *Tibetskaya letopis'* “Svetloye zertsalo tsarskikh rodoslovnykh” [Tibetan Chronicle “Bright Mirror of the Royal Genealogies”]. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1961 (in Russian).
16. Kuznetsov B.I. *Tibeika: Sbornik statey* [Tibetica: Collection of Articles]. St. Petersburg: Euraziya, 2003 (in Russian).
17. Martynov A.S. *Status Tibeta v XVII–XVIII vekakh v traditsionnoy kitayskoy sisteme politicheskikh predstavleniy* [The Status of Tibet in the 17th – 18th Centuries in the Traditional Chinese System of Political Representations.]. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian).
18. Parfionovich Y.M. *Tibetskiy pis'menny yazyk* [Tibetan Written Language]. Moscow, 1970 (in Russian).
19. Pubayev R.E. “Pagsam-Jonsang” – pamyatnik tibetskoy istoriografii XVIII veka [“Pagsam-Jongsan”: a Monument of Tibetan Historiography of the 18th Century]. Novosibirsk: Nauka, 1981 (in Russian).
20. Roerich Y.N. *Tibetskiy yazyk* [Tibetan Language]. Moscow: Nauka, 1961 (in Russian).
21. Roerich Y.N. *Tibetsko-Russko-Angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami* [Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Moscow: Nauka, 1983–1991 (in Russian).
22. Tsybikov G.Ts. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Novosibirsk: Nauka, 1991, vols. 1–2 (in Russian).
23. Shmidt I.Y. *Uchebnik tibetskogo yazyka* [Tibetan Textbook]. St. Petersburg, 1839 (in Russian).
24. Shcherbatskoy F.I. *Izbrannyye trudy po buddizmu* [Selected Works on Buddhism]. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian).
25. Shcherbatskoy F.I. *Teoriya poznaniya i logika po ucheniyu pozdneyshikh buddistov* [Theory of Knowledge and Logic of the Doctrine of Later Buddhists]. St. Petersburg: Asta-Press, 1995 (in Russian).

Submitted for publication on August 27, 2019.